

A movie poster for 'Smolenskiy Khronos' featuring Olga Starovoi. The central figure is a young woman with long, flowing red hair, wearing a dark blue jacket over a red top. She is surrounded by a golden glow and falling autumn leaves. In the background, there is a large Gothic cathedral and a horse-drawn carriage with a driver and a passenger. The overall atmosphere is historical and dramatic.

ОЛЬГА СТАРОВОЙТОВА

СМОЛЕНСКИЙ
ХРОНОС

18+

Ольга Старовойтова

Смоленский хронос

Серия «Наследие Анны», книга 4

<https://litres.ru/73992421>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга 3

"Смоленский Хронос" — это захватывающее продолжение истории о Настройщике Узлов Анне, которая обладает уникальным даром слышать и управлять энергетической сетью городов.

В этой книге Анна отправляется в Смоленск, древний город с богатой историей и сильными энергетическими узлами. Вместе с друзьями она сталкивается с новыми загадками и опасностями, пытаясь предотвратить катастрофу, угрожающую не только Смоленску, но и всему миру.

Смоленск, расположенный на перекрестке важнейших транспортных магистралей, хранит множество тайн. Анна и её команда должны расшифровать древние коды, чтобы найти способ справиться с угрозой, исходящей из глубин истории и энергетики города.

Интригующий сюжет, яркие персонажи и динамичные приключения делают эту книгу обязательной для прочтения

всем, кто увлекается мистикой, историей, путешествиями в параллельные миры и...вампирами!

Содержание

Глава 1. Идея для отпуска	5
Глава 2. Дорога на запад	8
Глава 3. Хозяйка с секретом	11
Глава 4. Дом, который не спит	15
Глава 5. Душа города	19
Глава 6. Каменный пояс	23
Глава 7. Туннель памяти	30
Глава 8. Приют беглеца	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Старовойтова

Смоленский хронос

Глава 1. Идея для отпуска

Начало сентября в Петербурге — это особый период. Лето вроде бы ещё теплится в редких солнечных днях, но воздух уже пахнет увяданием, а свинцовое небо, кажется, навсегда решило придавить город к мокрой земле. Это было любимое время Анны. Не из-за погоды, а из-за ощущения покоя, которое наконец-то поселилось в её душе.

Прошло больше года с тех пор, как они с друзьями одолели графа Воронцова и восстановили гармонию Узлов Петербурга. Жизнь вошла в колею. Работа в книжном магазине «Букинист» на канале Грибоедова приносила тихую радость. Анна научилась не просто видеть ауры и слышать Песню города, а жить с этим даром, не позволяя ему разрушить её собственную жизнь.

В один из таких серых, но уютных дней они собрались в «Башне Грифонов». Глеб, как всегда, обложился картами и приборами, пытаясь составить новую схему энергетических линий города. Лея раскладывала руны, бормоча что-то про «ретроградный Меркурий», а Борис просто пил крепкий чай с баранками и слушал их споры.

— Смоленск? — переспросил Борис, вытирая усы от крошек. — А что там? Куча церквей да старая стена?

Анна улыбнулась. Именно эта реакция и подтолкнула её к идее.

— Вот именно! Борис, ты же историк. Неужели тебе не интересно увидеть крепость, которую штурмовали и поляки, и французы? Говорят, там стены до сих пор хранят эхо битв.

Борис задумчиво почесал бороду:

— Хм... Ну, стена — это да, это по моей части. А ещё там что есть?

— Успенский собор! — воскликнул Глеб, не отрываясь от карты. — Он стоит на мощнейшем Узле! Я читал архивные данные. Энергетический фон там должен быть просто колоссальным!

Лея подняла взгляд от рун:

— А я слышала от одной знахарки, что в Смоленске есть дома, где время течёт вспять. Или замирает.

Анна обвела друзей взглядом. Идея, родившаяся у неё спонтанно как способ развеяться, вдруг обрела смысл для каждого из них.

— Ну что, едем? На машине доедем за день. Посмотрим город, отдохнём от питерской суеты.

Борис хмыкнул и потянулся за новой баранкой:

— Ну, если там есть стена, которую можно поковырять лопатой, то я в деле.

Решение было принято. Через неделю они загрузились в

старенькую «буханку» Бориса и отправились в путь. Впереди их ждал Смоленск, город, о котором никто из них ничего толком не знал, и приключения, о которых они даже не подозревали.

Глава 2. Дорога на запад

«Буханка» Бориса, урча старым, но надежным двигателем, неслась по трассе М-1. За окном проносились сначала пригороды Петербурга с их серыми панельными домами, затем — аккуратные деревеньки Ленинградской области, а после — бескрайние, слегка пожухлые поля и леса Новгородской и Тверской областей. Дождь, провожавший их в Питере, остался позади, и теперь небо было высоким и прозрачным, лишь изредка подернутым легкими перистыми облаками.

В салоне царила привычная атмосфера дружеского хаоса. — Борис, ты уверен, что эта колымага доедет? — в сотый раз спросил Глеб, пытаясь настроить навигатор на старом планшете. — Судя по звуку, у неё сейчас отвалится кардан или что там у неё есть.

Борис, уверенно держа руль одной рукой, лишь хмыкнул: — Не кардан, а «душа». И она у неё стальная. Эта малышка ещё нас с тобой переживёт. Она на раскопки в Каракумы ездила и ничего.

— А ты и там был? — с интересом спросила Лея с заднего сиденья, где она пыталась медитировать, но постоянно отвлекалась на тряску.

— Был, — кивнул Борис. — Там песок везде. И скорпионы. А эта красавица — как танк. Проходит везде.

Анна сидела рядом с Борисом, глядя на дорогу. Она чув-

ствовала себя непривычно спокойно. Узлы вдоль трассы были спокойны, они спали под слоем асфальта и земли. Это было приятное ощущение — быть просто пассажиром, а не Хранителем, ответственным за гармонию целого города.

— А Смоленск-то уже близко? — спросил Глеб, наконец победив навигатор.

— Километров триста ещё, — ответил Борис. — К вечеру будем. Если эта «малышка» не подведёт.

— Или если нас не остановят за превышение скорости звука, — пробормотал Глеб, глядя на спидометр.

К вечеру ландшафт начал меняться. Лес стал гуще, поля — меньше. Дорога пошла по холмистой местности.

— Смотрите! — воскликнула Анна, указывая вперед.

На высоком холме, возвышаясь над слиянием двух рек, показался город. В лучах заходящего солнца купола многочисленных церквей сияли золотом. Но доминировала над всем панорамой красная, мощная лента крепостной стены, опоясывающая холм.

— Вот это да... — выдохнул Борис, сбавляя газ. — А ты была права, Анна. Это впечатляет.

Они въехали в город по мосту через Днепр. Смоленск встретил их уютными улочками, невысокими домами и какой-то особой, провинциальной тишиной. Здесь не было суэты мегаполиса.

Борис уверенно вел машину по навигатору к адресу их временного жилья.

— Улица Ленина... дом пятнадцать... Так, вот он.

Он припарковал «буханку» у двухэтажного деревянного дома старой постройки. На крыльце сидела старушка в цветастом платке и вязала что-то длинное и полосатое. Увидев машину, она отложила спицы и приветливо улыбнулась беззубым ртом.

— А вот и Прасковья Ильинична, наша хозяйка, — сказал Борис, глуша мотор. — Ну что, команда? Выгружаемся?

Анна вышла из машины и потянулась. Воздух здесь был чистым и пах рекой и осенними листьями. Она посмотрела на крепостную стену, которая была видна даже отсюда, и почувствовала легкое покалывание в кончиках пальцев. Узел здесь был сильным. Очень сильным.

Их приключение начиналось.

Глава 3. Хозяйка с секретом

Прасковья Ильинична оказалась на удивление шустрой для своих лет. Не успели гости выгрузить из «буханки» рюкзаки и чемоданы, как она уже стояла у калитки, приветливо улыбаясь.

— Милости прошу, касатики! — её голос был на удивление звонким и молодым, совсем не вязавшимся с морщинистым лицом. — А я вас уже заждалась. Вон, шаль полосатую для вас вязала, чтоб в дороге не зябли.

Она продемонстрировала длиннющий, разноцветный шарф (или, возможно, очень узкое одеяло), который, казалось, жил своей жизнью, извиваясь в её руках.

— Здравствуйте, — Анна шагнула вперёд. — Вы, должно быть, Прасковья Ильинична? Мы вам писали насчёт аренды.

— Писали, писали, голубушка, — закивала старушка. — А я и без писем всё знаю. Вижу, люди вы хорошие, городские, уставшие. Отдохнуть вам надо. Дом у меня тихий, спокойный.

Она повела их в дом. Внутри пахло пирогами с яблоками, сушёными травами и ещё чем-то неуловимо сладким и старым, как пожелтевшие страницы книг. Дом был разделён на две половины: одна для хозяйки, другая для гостей. Гостевая половина состояла из двух небольших спален и общей гостиной с пузатым комодом и круглым столом, покрытым

вязаной скатертью.

— Располагайтесь, — Прасковья Ильинична обвела рукой помещение. — Кровати мягкие, бельё чистое. А если что понадобится — я на своей половине. Только вот что... — она вдруг стала серьёзной и понизила голос до шёпота: — Ночью по дому не шастайте. И в подвал не ходите. Там у меня... заготовки. Банки могут упасть.

Глеб, который уже достал планшет и начал что-то проверять, поднял голову:

— Заготовки? В подвале? А можно мы его осмотрим? С исторической точки зрения? Подвалы в старых домах — это же кладёзь информации о быте!

Прасковья Ильинична метнула на него такой взгляд, что Глеб осёкся. В её глазах на долю секунды промелькнуло что-то древнее и совсем не доброе.

— Нет! — отрезала она так резко, что Борис, стоявший в дверях с самым тяжёлым рюкзаком, вздрогнул. — Сказала же: нельзя! Нечего там делать!

Она тут же смягчилась и снова заулыбалась:

— Ну-ну, не сердчайте. Старость — не радость. Вот вам пирожки с чаем, с дороги-то.

Она споро накрыла на стол. Пирожки были горячими и невероятно вкусными.

— Ешьте-ешьте, — приговаривала она, подливая чай из пузатого самовара. — Силы вам понадобятся. Смоленск — город непростой. У него своя... душа.

Анна заметила, что Лея к пирожкам не притронулась. Она сидела, уставившись в свою чашку, и её пальцы нервно перебирали руны в кармане.

— Что-то не так? — тихо спросила Анна.

Лея подняла на неё глаза. В них читалась тревога.

— Она... она не та, за кого себя выдаёт. Я чувствую это. Дом... он живой. И он чего-то боится.

Прасковья Ильинична словно услышала их шёпот. Она повернулась от комода и посмотрела прямо на Лею.

— Правильно чувствуешь, девонька, — сказала она спокойно. — Здесь всё живое. И стены имеют память. А ты... ты тоже имеешь дар видеть.

Она подошла к Лее и положила сухую, тёплую ладонь ей на лоб.

— Спи спокойно. Дом тебя не тронет. Он знает своих.

Затем она обвела взглядом всех остальных:

— И вы спите спокойно. Завтра я покажу вам город. Начнём с Успенского собора. Там... красиво.

С этими словами она забрала пустой самовар и ушла на свою половину, плотно прикрыв за собой дверь.

В гостиной повисла тишина.

— Ну и бабуля... — наконец нарушил молчание Борис. — Пряма Баба-Яга в хорошем смысле этого слова.

Глеб снова уткнулся в планшет:

— Странно. По документам этому дому лет сто пятьдесят. А фундамент... я чувствую вибрацию через пол... он гораздо

старше.

Анна подошла к окну и посмотрела на темнеющее небо. На город опускались сумерки.

— Она сказала: «Дом знает своих», — прошептала Анна.
— Интересно, кем она нас считает?

Никто ей не ответил. Каждый думал о своём, но всех объединяло одно чувство: они приехали не просто в отпуск. Смоленск уже начал плести вокруг них свою паутину.

Глава 4. Дом, который не спит

Ночь в Смоленске обрушилась на город внезапно, словно кто-то накинул на небо плотное бархатное одеяло. В доме Прасковьи Ильиничны воцарилась тишина, но это была не уютная тишина покоя, а напряжённое, звенящее безмолвие, наполненное скрипами и шёпотом старого дерева.

Анна долго не могла уснуть. Комната, казавшаяся уютной при свете дня, теперь выглядела иначе. Лунный свет, пробиваясь сквозь кружевные занавески, рисовал на полу и стенах причудливые, движущиеся тени. Каждый шорох за окном, каждый стон ветра в печной трубе заставлял её вздрагивать.

Она встала с кровати и подошла к окну. Дом стоял на тихой улочке, и в обычное время это было бы плюсом. Но сейчас эта тишина казалась мёртвой. Ни лая собак, ни шума машин, ни даже пьяных песен из соседнего двора. Только шелест листвы да скрип старых веток.

Внезапно она заметила движение внизу. У калитки стояла фигура. В первый момент Анна подумала, что это Прасковья Ильинична, но силуэт был слишком высок и широк для хрупкой старушки. Незнакомец стоял неподвижно, словно статуя, и смотрел прямо на её окно.

Анна отпрянула, задерживая штору. Сердце колотилось как бешеное.

«Просто прохожий», — попыталась успокоить она себя.

— «Кто-то вышел покурить или выгулять собаку».

Она легла обратно в кровать, натянув одеяло до самого подбородка, и закрыла глаза.

В соседней комнате Глеб тоже не спал. Он разложил на прикроватной тумбочке свой планшет и геомантический компас. Прибор тихо гудел, а стрелка, вместо того чтобы указывать на север, медленно вращалась по кругу.

— Невероятно, — бормотал он себе под нос, делая пометки в блокноте. — Здесь плотность энергетических линий в три раза выше нормы! Это не просто Узел, это... это какой-то энергетический водоворот!

Он приложил ладонь к стене. Стена была тёплой, почти горячей.

— Дом... ты живой? — прошептал он в пустоту.

И ему показалось, что в ответ по стене прошла едва заметная вибрация, словно кто-то огромный глубоко вздохнул во сне.

Лее снились кошмары. Она ворочалась на кровати, сбивая простыню в комок. Во сне она видела Прасковью Ильиничну. Но старушка больше не вязала шаль. Она стояла посреди огромного поля колосьев, которые были чернее ночи, и смеялась громким, лающим смехом. А за её спиной возвышался дом на Козловой горе, только здесь он был живым — его окна светились как глаза, а флюгер-петух медленно поворачи-

чивал голову и смотрел прямо на неё.

Лея проснулась от собственного крика. В комнате было темно и душно. Она села на кровати, пытаясь унять бешено стучащее сердце.

— Это просто сон... просто сон... — шептала она.

Но сон не отпускал. Запах сушёных трав в комнате теперь казался ей запахом прелых листьев и сырой земли.

Борис спал как убитый. Его могучий храп разносился по всему дому, перекрывая все остальные звуки. Ему снились раскопки: он стоял в глубокой яме и махал своей верной лопатой, откидывая в сторону не землю, а золотые монеты и драгоценные камни.

Внезапно весь дом содрогнулся от глухого удара. Звук был такой, будто что-то очень тяжёлое упало в подвале.

Анна резко села на кровати. Глеб выронил планшет. Лея замерла, перестав дышать. Даже Борис перестал храпеть.

Тишина.

Затем слышались шаги. Тяжёлые, шаркающие шаги по половицам в коридоре. Они медленно приближались к двери комнаты Анны.

Дверная ручка начала медленно поворачиваться.

Анна вжалась в стену, парализованная ужасом.

Дверь со скрипом приоткрылась.

На пороге стояла Прасковья Ильинична. В темноте её ли-

цо казалось белым пятном, а глаза были двумя бездонными провалами.

— Банки... — прошептала она хриплым, чужим голосом.

— В подвале... банки падают...

Она постояла ещё секунду, глядя прямо на Анну невидящим взглядом, а затем так же медленно развернулась и побрела обратно по коридору. Шаги стихли.

Анна вскочила с кровати и заперла дверь на щеколду. Её трясло.

Через пять минут к ней постучали. Это были Глеб и Лея.

— Вы это слышали? — прошептал Глеб. Его лицо было бледным как мел.

— И видели? — добавила Лея.

Они переглянулись.

— Ничего не знаю, но завтра мы идём гулять по городу, как и запланировали. У нас отпуск! — твёрдо сказала Анна

Глава 5. Душа города

Утро выдалось на удивление ясным. Дождь, который, казалось, был вечным спутником их путешествия, наконец, прекратился. Выглянув в окно, Анна увидела, как солнце золотит купола церквей и играет бликами на глади Днепра. Ночные страхи, порожденные скрипами старого дома и странным поведением хозяйки, отступили, спрятались в дальние уголки сознания, уступив место любопытству.

Прасковья Ильинична уже хлопотала на кухне. На этот раз она была одета в чистое ситцевое платье в мелкий цветочек, а её седые волосы были аккуратно убраны под платок. От вчерашней мрачной напряженности не осталось и следа.

— Проснулись, касатики? — приветствовала она их своим обычным, звонким голосом. — А я вам оладушков напекла. Со сметанкой да с вареньем — самое то перед прогулкой.

Завтрак прошел в непринужденной обстановке. Борис, уплетая уже пятый оладушек, громко восхищался кулинарными талантами хозяйки. Глеб пытался выведать у Прасковьи Ильиничны историю дома, но она лишь отшучивалась, переводя разговор на погоду или виды из окна. Лея молчала, но ела с аппетитом, видимо, решив, что сон — это всего лишь сон.

После завтрака они вышли на улицу. Прасковья Ильинична повела их вверх по мощеной улочке, к самому сердцу го-

рода — Соборной горе.

Смоленск встречал их величием и тишиной. В отличие от светливого Петербурга, здесь время текло иначе — медленно, размеренно. Воздух был пропитан запахом опавшей листвы, речной свежестью и едва уловимым ароматом ладана, доносившимся откуда-то сверху.

— Вот он, красавец наш, — с гордостью сказала Прасковья Ильинична, когда они вышли на смотровую площадку.

Перед ними во всей красе предстал Успенский собор. Огромное здание бирюзового цвета, увенчанное золотыми куполами, доминировало над всем городом. Он стоял на самом краю холма, словно могучий страж, охраняющий покой Смоленска.

— Построен был еще при царице Екатерине, — продолжала хозяйка. — А до него тут храм деревянный стоял... Да и до храма — капище языческое было. Земля-то здесь древняя, намоленная.

Глеб тут же достал свой планшет с геомантическим компасом.

— Потрясающе! — воскликнул он, глядя на пляшущую стрелку. — Анна! Ты чувствуешь? Узел здесь просто колоссальный! Я такого не видел даже под Петропавловской крепостью!

Анна подошла к самому краю смотровой площадки и положила ладонь на холодный камень парапета. Она закрыла глаза и прислушалась. Да, Глеб был прав. Песня этого ме-

ста была мощной, глубокой и... больной. Словно старый орган, который давно не настраивали. В этой мелодии слышался звон мечей, треск пожарищ и тихий плач.

— Что-то не так? — тихо спросил подошедший Борис.

— Он страдает, — прошептала Анна, не открывая глаз.

— Город... он помнит боль. Много боли.

— Это Смоленская война, — раздался голос Прасковьи Ильиничны. Она стояла чуть поодаль и смотрела на собор. — Двадцать месяцев осады. Поляки штурмовали эти стены, а люди молились здесь, в соборе. Говорят, стены его помнят каждую молитву и каждую слезу.

Лея подошла к Анне и взяла её за руку:

— Я чувствую то же самое. Печаль. Тяжесть веков.

Внезапно Анна почувствовала на себе чей-то взгляд. Холодный, оценивающий. Она резко обернулась. Внизу, у подножия холма, стоял человек в длинном темном плаще. Он стоял неподвижно и смотрел прямо на неё. На таком расстоянии она не могла разглядеть его лица, но от его фигуры веяло чем-то зловещим.

— Кто это? — спросила она у Прасковьи Ильиничны.

Старушка прищурилась, глядя вниз:

— А... Это пан Кшиштоф. Историк из Польши. Приехал изучать архивы по осаде. Станный человек... Вечно что-то вынюхивает.

Незнакомец словно почувствовал, что о нем говорят. Он медленно поднял голову, и на мгновение Анне показалось,

что его глаза сверкнули красным в лучах утреннего солнца. Затем он развернулся и быстро зашагал прочь, растворяясь в лабиринте улочек.

— Ладно, насмотрелись! — бодро сказал Борис, хлопнув в ладоши и разрушив наваждение. — Бабушка Прасковья обещала нам стену показать! Где там наша крепость?

Прасковья Ильинична улыбнулась:

— А вот туда мы сейчас и пойдем. Только тропинка там узкая...

Они начали спускаться с горы по извилистой тропинке, ведущей прямо к подножию крепостной стены.

Глава 6. Каменный пояс

Тропинка, о которой говорила Прасковья Ильинична, оказалась крутой и извилистой. Она змеилась вниз по склону холма, петляя между старых, корявых деревьев, чьи корни, словно жилы земли, выпирали из песчаной почвы. Борис, шедший первым, то и дело останавливался, чтобы ткнуть лопатой в особенно интересный корень или склониться над каким-нибудь валуном.

— Смотрите, — бормотал он, проводя рукой по замшелому камню. — Это не просто гранит. Это... доломит. И смотрите на эти выбоины. Это не эрозия. Это следы от ядер. Здесь был ад.

Глеб, шедший следом, не отрывался от своего планшета.

— Показания зашкаливают! — шептал он восторженно. — Анна, ты была права. Это не просто Узел. Это... это как воронка! Энергия здесь закручивается спиралью и уходит глубоко под землю.

Анна шла молча, держась чуть позади. Её дар Настройщика здесь работал на полную мощность. Она чувствовала город не как набор зданий и улиц, а как единый, дышащий организм. Она слышала шёпот камней под ногами, тихую песню реки внизу и далёкий, тревожный гул самого Узла, который пульсировал где-то в центре крепостной стены.

Лея замыкала процессию. Она то и дело оглядывалась,

словно чувствовала чей-то взгляд. После ночного кошмара её интуиция обострилась до предела.

— Мне здесь не нравится, — тихо сказала она Анне. — Лес... он смотрит на нас.

Анна лишь сжала её руку в ответ. Она чувствовала то же самое.

Наконец, они спустились к подножию холма. Перед ними во всей своей суровой красе возвышалась Смоленская крепостная стена.

Это было не изящное кружево башен, как в Москве или Пскове. Это был приземистый, мощный бастион из красного кирпича, опоясывающий старый город подобно каменному поясу. Башни были широкими и массивными, напоминающая шахматные ладьи, а между ними тянулись бесконечные прясла стен с узкими бойницами.

— Невероятно... — выдохнул Борис, задрал голову. Он поставил лопату на землю и с благоговением коснулся холодного кирпича. — Сколько же труда сюда вложено? Сколько жизней?

— Построена зодчим Фёдором Конем в конце XVI века, — тоном заправского экскурсовода произнесла Прасковья Ильинична, хотя никто её об этом не просил. — Сказывают, в раствор для крепости известь мешали с яичным белком да кровью бычьей. А может, и не бычьей...

Она загадочно усмехнулась и повела их к воротам.

Подъём на стену оказался приключением само по себе.

Узкая винтовая лестница внутри одной из башен была настолько крута, что приходилось держаться за стену, чтобы не упасть. Воздух здесь был спёртым и пах вековой пылью.

Когда они вышли наверх, перед ними открылся захватывающий вид. Весь Смоленск лежал у их ног как на ладони. купола церквей, изгиб Днепра, черепичные крыши старого города. Ветер здесь был сильным и пронизывающим.

— Вот это я понимаю — высота! — Борис подошёл к самому краю и глянул вниз через бойницу. — Метров пятнадцать будет, не меньше!

Глеб уже разложил свои приборы прямо на каменном полу.

— Анна! Иди сюда! Смотри! — он был в восторге. — Стена сама по себе является резонатором! Кирпич, известняк... Это идеальный проводник! Вся энергия города стекается сюда!

Анна подошла к нему и положила руку на нагретый солнцем кирпич рядом с его прибором.

— Я чувствую это, — сказала она тихо. — Он живой. Он всё помнит.

Внезапно её амулет на груди начал пульсировать теплом. Он реагировал на Узел, тянулся к нему, как цветок к солнцу.

— Что-то происходит... — прошептала она.

В этот момент мир мигнул.

Это было похоже на то, как если бы кто-то на мгновение выключил свет, а затем включил его снова, но уже с другим

фильтром. На долю секунды Анна увидела другую картину: по стене бежали люди в старинных кафтанах с бердышами, где-то внизу бухали пушки, а небо было чёрным от дыма.

Видение исчезло так же быстро, как и появилось.

— Что это было? — Лея схватила её за плечо. Её лицо было белым как мел.

— Временной сдвиг... — прошептал Глеб, глядя на свой компас. Стрелка прибора бешено вращалась. — Невероятно! Мы только что видели отголосок прошлого!

— Тише вы! — шикнул Борис, глядя куда-то вдаль по стене.

Все посмотрели в ту же сторону. В паре сотен метров от них по боевому ходу стены шли двое солдат в зелёных мундирах екатерининской эпохи. Они несли на плечах длинное ружьё с примкнутым штыком и о чём-то тихо переговаривались. Они не видели наших героев, глядя прямо перед собой с отрешённым видом часовых.

— Это что, реконструкторы? — прошептал Борис, крепче сжимая лопату. — Слишком уж реалистично для косплея.

— Нет, — так же тихо ответила Анна, чувствуя, как амулет на её груди становится ледяным. — Это не реконструкторы. Это... настоящее.

Солдаты остановились, синхронно повернули головы и посмотрели прямо на четверых друзей. Их глаза были пустыми, как у мертвецов, а лица — землисто-серого цвета.

— Бежим! — скомандовал Борис и, не выпуская лопаты,

рванул к ближайшей башне.

Остальные последовали за ним. Позади раздался топот сапог и резкий, лающий окрик:

— Стой! Кто такие?! Караул! Тревога!

Они влетели в башню и помчались вниз по винтовой лестнице, рискуя сломать шею на крутых ступенях. Выскочив наружу, они бросились в узкий переулок, петляя между домами.

— Сюда! — Глеб сверился с навигатором на телефоне. — К реке! Там есть спуск, мы сможем оторваться!

Они выбежали на набережную. Днепр внизу казался чёрной, маслянистой лентой. Вдалеке виднелась та самая крепостная стена, с которой они только что спустились.

— Мы же были там! — выдохнула Лея, указывая наверх. — Как мы оказались здесь за секунду?!

— Временной скачок! — Глеб был одновременно напуган и в восторге. — Мы всё ещё в восемнадцатом веке! Мой компас сходит с ума!

Из переулка за их спинами снова послышался топот и крики.

— Они нас догоняют! — прорычал Борис. — В реку мы не успеем!

Внезапно из-за угла соседнего дома вышел человек. Он был одет в длинный тёмный плащ, а на голове у него была широкополая шляпа, скрывавшая лицо. В руках он держал трость с серебряным набалдашником.

— Сюда! Быстро! — его голос был тихим, но властным.

Не сговариваясь, друзья бросились к незнакомцу. Он молча толкнул низкую деревянную дверь в стене ближайшего дома и пропустил их внутрь. Они оказались в тёмном, пыльном помещении, пропахшем травами и чем-то кислым.

Незнакомец закрыл дверь на тяжёлый засов и повернулся к ним. Теперь они могли разглядеть его лицо. Он был немолод, с глубокими морщинами и пронзительным взглядом умных, усталых глаз.

— Вы либо самые наглые воры, которых я видел, либо... — он внимательно посмотрел на Глеба с его прибором, на Анну с её амулетом и закончил: — ...либо вы те самые путешественники во времени, о которых шепчутся крысы в подвалах.

— Мы... мы не воры, — пролепетала Лея.

Снаружи раздался грохот. Дверь содрогнулась от мощного удара.

— Именем государыни императрицы! Открывайте!

Незнакомец усмехнулся:

— Государыня императрица сейчас занята балами, а не ловлей бродяг. Но эти олухи этого не знают.

Он подошёл к стене и нажал на один из кирпичей. Раздался щелчок, и часть стены повернулась, открывая узкий проход.

— Уходите. Идите по тоннелю. Он выведет вас к подвалу заброшенного дома у Чёртова оврага. Там вы будете в отно-

сительной безопасности... пока что.

— Кто вы? — спросила Анна.

Он лишь улыбнулся кончиками губ:

— Скажем так... я тоже не отсюда. Моё имя Демьян. А теперь бегите!

Они нырнули в тёмный проход. Дверь за ними закрылась, отрезая звуки погони и оставляя их в полной темноте и тишине подземелья.

Глава 7. Туннель памяти

Тьма в тоннеле была абсолютной, почти осязаемой. Она пахла сырой землёй, плесенью и вековой пылью. Воздух был спёртым и холодным, пробирая до костей.

— Кто-нибудь... видит хоть что-то? — прошептала Лея, её голос дрожал.

— Я — нет, — так же тихо ответил Глеб. — Мой фонарик остался в рюкзаке, а телефон... чёрт, он сел ещё на стене!

— Тихо! — шикнул Борис, шедший впереди. Он двигался на ощупь, выставив вперёд лопату, как слепой — трость. — Слышите?

Все замерли. В тишине подземелья, кроме их собственного дыхания, слышался тихий, монотонный звук. Кап-кап-кап. Где-то в глубине капала вода.

— Просто вода, — облегчённо выдохнула Лея.

— Нет, — голос Анны был напряжённым. Она шла последней, держась рукой за скользкую стену. Её амулет начал слабо пульсировать в темноте, излучая едва заметное голубоватое свечение. — Это не просто вода.

Свечение амулета стало чуть ярче, выхватывая из мрака неровные стены тоннеля, выложенные старым кирпичом. В его свете они увидели, что по стенам и потолку тянутся странные узоры — не просто трещины, а спиралевидные линии, похожие на те, что были на амулете Анны.

— Смотрите! — Глеб указал на стену. Под слоем пыли и грязи проступали выцарапанные надписи на старославянском и странные символы.

— «Здесь был Прохор, 1712 год», — прочитал Борис, проводя пальцем по одной из надписей. — Обычное дело. Люди всегда хотят оставить след.

— А это? — Лея указала на символ, похожий на солнце с волнистыми лучами. Он был нацарапан поверх имени Прохора.

Анна коснулась символа. В тот же миг амулет вспыхнул ярче, и её сознание затопил поток образов.

Она увидела людей в длинных одеждах, которые шли по этому самому тоннелю с факелами в руках. Они пели. Это была та самая Песня Узла, но чистая, неискажённая. Они шли к месту силы, чтобы совершить ритуал.

Видение схлынуло так же быстро, как и появилось.

— Это не граффити, — прошептала Анна. — Это... метки. Защитные знаки. Тоннель был священным местом.

Капанье воды стало громче и ритмичнее. Теперь оно напоминало не просто капли, а... шаги.

— Нам нужно идти быстрее, — сказал Борис, ускоряя шаг.

Тоннель начал уходить вниз под уклон. Пол стал скользким от влаги. Несколько раз кто-то из них поскользнулся, рискуя упасть в невидимую грязь.

Внезапно тоннель закончился. Они упёрлись в глухую сте-

ну из плотно утрамбованной земли и корней.

— Тупик? — с отчаянием спросила Лея.

Борис молча надавил на стену лопатой. Раздался глухой звук.

— Это не тупик. Это деревянная дверь, замаскированная под стену.

Он навалился на лопату всем весом. Раздался треск ломающегося дерева, и в лицо им ударил поток свежего ночного воздуха.

Они выбрались наружу и оказались в глубоком овраге, заросшем колючим кустарником и старыми деревьями. Над головой раскинулось звёздное небо.

— Чёртов овраг... — пробормотал Борис, выбираясь из ямы и отряхиваясь. — Значит, Демьян не соврал.

Они огляделись. Вокруг не было ни души. Старый, полуразрушенный дом, о котором говорил новый знакомый, чернел неподалёку.

Они были свободны от погони. Но теперь они окончательно поняли: они не просто в прошлом.

Они в ловушке времени.

Глава 8. Приют беглеца

Заброшенный дом, как и говорил Демьян, стоял на краю оврага, в месте, которое местные, вероятно, и называли Чёртовым. Это было двухэтажное строение из почерневшего от времени дерева, с покосившейся крышей и пустыми глазницами окон. От него веяло такой тоской и запустением, что даже Борис, казалось, поёжился.

— Ну и дыра, — проворчал он, первым подходя к покосившемуся крыльцу. Доски жалобно заскрипели под его весом. — Зато с видом на овраг.

Внутри пахло пылью, гнилым деревом и застарелой сыростью. Сквозь дыры в крыше и ставни пробивался лунный свет, выхватывая из темноты остатки былой роскоши: обрывки дорогих обоев, лепнину на потолке и остов огромной изразцовой печи.

— Это был не простой дом, — тихо сказал Глеб, светя фонариком (телефон он успел подзарядить в машине перед поездкой). — Посмотрите на паркет. Дуб, морёный. И лепнина... Это дом купца или чиновника. Что же с ним стало?

— Время, — ответила Анна. Она стояла у окна, глядя на тёмный лес за оврагом. — И, возможно, то же, что происходит с городом. Узел болен.

Они обосновались в комнате на втором этаже, где крыша сохранилась лучше всего. Борис загородил вход остатками

шкафа, создав подобие баррикады.

— От солдат это не спасёт, но от бродячих собак или лихих людей — вполне.

Лея достала из своей сумки пучки сухих трав, которые собрала ещё в Петербурге.

— Это поможет очистить воздух и отпугнёт мелкую нечисть, — объяснила она, раскладывая их по углам.

Когда примитивный быт был налажен, они собрались у окна, глядя на ночной Смоленск. Город отсюда казался морем огней, но это было холодное, чужое море.

— Итак, — начал Борис, нарушая гнетущую тишину. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене и положив лопату на колени. — Давайте подведём итоги. Мы в прошлом. В восемнадцатом веке. Нас ищут солдаты. У нас нет денег, документов и понимания, как вернуться.

— И у нас есть союзник, — добавил Глеб. — Этот Демьян. Он явно не простой, раз знал о нас. И он знал про тоннель.

— И он спас нас, — заметила Лея.

— Или использовал нас в своей игре, — мрачно парировал Борис.

Анна молчала, глядя на свой амулет. Камень больше не светился, но она чувствовала его пульсацию.

— Дело не только в нас, — наконец сказала она. — Этот город... он кричит. Узел здесь не просто искажён, как в Петербурге. Он... разорван. И кто-то или что-то питается этой болью.

Внезапно снизу донёлся тихий скрип. Все замерли.

— Крысы? — прошептал Глеб.

Скрип повторился, но уже ближе. Кто-то поднимался по лестнице.

Борис схватил лопату и встал в боевую стойку.

Дверь в их комнату медленно, со зловещим скрипом, отворилась.

На пороге стоял человек. В руке он держал фонарь «летучая мышь», свет которого выхватил из темноты дорогой камзол из тёмно-синего бархата, белоснежное кружевное жабо и... невероятно красивое, но бледное до синевы лицо с пронзительными серыми глазами.

Он улыбнулся, и в свете фонаря блеснули кончики острых клыков.

— Доброй ночи, дамы и господа, — произнёс он с лёгким поклоном. — Прошу простить за вторжение, но я услышал голоса и не смог удержаться от любопытства. Позвольте представиться: Владислав Андреевич Воронцов. К вашим услугам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.